בס"ד

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

WOHL LEGACY
Empowering Communities.
Transforming Lives.

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Рассказать историю

(«Бо»)

Поезжайте в Вашингтон, сходите на экскурсию по мемориальным комплексам, и вы сделаете интереснейшее открытие. Для начала осмотрите Мемориал Линкольну с исполинской статуей человека, который не устрашился гражданской войны, человека, под чьим руководством отменили рабство. По одну сторону от статуи вы увидите Геттисбергскую речь — шедевр лаконичности, текст, апеллирующий к образу «нового рождения свободы». По другую сторону — великолепная Вторая инаугурационная речь, несущая мысль о заживлении раскола в обществе: «…Ни к кому не питая зла, с милосердием ко всем, с твердостью на праведном пути, дарованной нам Богом, чтобы мы видели, какой путь — праведный…»

Спуститесь к Приливному бассейну на реке Потомак, и вы увидите Мемориал Мартину Лютеру Кингу с шестнадцатью цитатами из речей этого великого борца за гражданские права, в том числе его высказыванием 1963 года: «Тьма не может прогнать тьму — это под силу только свету. Ненависть не может прогнать ненависть — это под силу только любви». А весь мемориал Кингу назван словами из речи «У меня есть мечта»: «Из горы отчаяния — камень надежды».

Идите дальше по аллее под сенью деревьев вдоль водоема, и придете к Мемориалу Рузвельту, где устроена анфилада из шести площадок: каждая площадка посвящена одному из десятилетий политической карьеры Рузвельта, и на каждой можно прочесть выдержку из ключевой речи соответствующего периода. Самая знаменитая фраза: «Нам нечего страшиться, кроме самого страха».

В финале маршрута, на южном берегу Приливного бассейна, — древнегреческого типа храм в честь автора Декларации независимости США Томаса Джефферсона. Вокруг купола начертана цитата из его письма Бенджамину Рашу: «Я на алтаре Божьем поклялся вовеки быть врагом всех форм тирании, порабощающих человеческий разум». Самые видные места

в этом круглом зале занимают четыре панели с пространными цитатами из Джефферсона: одна — выдержка из Декларации независимости, другая начинается со слов «Господь Всемогущий создал разум свободным», а третья гласит: «Бог, давший нам жизнь, дал нам свободу. Могут ли свободы нации пребывать в безопасности, если мы отринули убежденность в том, что эти свободы — дар Божий?»

Каждый из этих четырех памятников выстроен вокруг текстов, и каждый из них рассказывает некую историю.

А теперь сравните с ними памятники в Лондоне: самая заметная разница — с памятниками на Парламент-сквер. На памятнике Дэвиду Ллойд Джорджу три слова: «Дэвид Ллойд Джордж». На памятнике Нельсону Манделе — два: «Нельсон Мандела». А на памятнике Черчиллю всего одно: «Черчилль». Уинстон Черчилль был мастером слова, в молодости журналистом, позднее историком, написал без малого пятьдесят книг. Нобелевскую премию ему присудили не за миротворческие усилия, а за вклад в литературу. Он произнес никак не меньше речей и пустил в оборот никак не меньше незабываемых афоризмов, чем Джефферсон и Линкольн, Рузвельт и Мартин Лютер Кинг, но на пьедестале памятника Черчиллю не высечено ни одного из его изречений. Его память увековечена только его именем.

Отличие американских памятников от британских бросается в глаза, а причина в том, что США и Британия крайне разнятся в плане политической и нравственной культуры. Основа английского общества — по крайней мере, так было до недавних пор — традиции. В подобных обществах все устроено так, как есть, потому что так обстоит дело «с незапамятных времен». Задавать вопрос «а почему?» нет нужды. Те, кто принадлежит к традиции, и так всё знают. Те, кто нуждается в том, чтобы наводить такие справки, выдают, что не принадлежат к традиции.

Американское общество отличается от британского, так как со времен отцов-пилигримов и весь последующий период его основой было понятие *завета* в том виде, в котором оно изложено в Танахе, особенно в Шмот и Дварим. Первые колонисты были пуританами кальвинистской традиции: а в ней христианство наиболее всего приблизилось к тому, чтобы сделать Еврейскую Библию основой политической жизни. *Общества завета* основываются не на традиции. Пуритане, как и тремя тысячами раньше сыны Израиля, были революционерами, стремились создать общество нового типа, которое отличалось бы от Египта или, в случае Америки, — от Англии. Майкл Уолцер назвал свою книгу о политике пуритан XVII века так: «Революция святых»[1]. Они пытались ниспровергнуть традицию, которая наделяла королей абсолютной властью и сохраняла устоявшиеся классовые иерархии.

Общества завета всегда представляют собой целенаправленные попытки начать с нуля, предпринимаемые группой людей, посвящающей себя некоему идеалу. История основателей, путь, который они прошли, препятствия, которые им пришлось преодолевать, и видение будущего, которое вело их за собой, — все это неотъемлемые элементы культуры завета. Рассказывать историю снова и снова, передавать ее своим детям и посвящать себя продолжению труда, который начали предыдущие поколения, — все это основополагающие черты этики такого общества. Страна, заключившая завет, существует в нашем мире не

[1] Michael Walzer, *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics*, Cambridge MA: Harvard University Press, 1965.

просто потому, что она в нем существует. Она существует, чтобы воплотить в жизнь некое нравственное видение будущего. Именно это побудило Г. К. Честертона назвать Соединенные Штаты страной «с душой церкви»[2], единственной в мире страной, которую «основали на символе веры»[3] (антисемитизм Честертона помешал ему указать на подлинный источник политической философии Америки — Еврейскую Библию).

В нашей недельной главе начинается *история рассказывания историй* как неотъемлемой части нравственного воспитания. Просто поразительно, что накануне Исхода Моше трижды обращается к темам будущего и обязанности родителей учить своих детей истории, которая должна была случиться вот-вот: «Когда спросят вас ваши дети: "Что это за служение у вас?" — ответьте им: "Это пасхальная жертва Г-споду, ибо Он миновал дома сынов Израиля в Египте — поразил египтян, а наши дома спас"» (Шмот, 12:25–27). «Сыну своему в тот день скажи: "Вот ради чего сотворил со мной Г-сподь [чудеса], когда я уходил из Египта!"» (13:8). «Если завтра твой сын спросит тебя: "Что это значит?" — то ответь ему: "Силой руки Своей вывел нас Г-сподь из Египта, из дома рабства"» (13:14).

Это поистине удивительно. Сыны Израиля пока не вышли на ослепительный свет свободы. Они все еще рабы. Но Моше уже побуждает их обратиться мыслями к дальним горизонтам будущего и возлагает на них обязанность передать их историю следующим поколениям. Моше как бы говорит: если вы позабудете, откуда и почему пришли, то в конце концов утратите свою идентичность, преемственность и смысл существования. Вы станете считать себя всего лишь представителем некоего народа, одного из народов мира, одного этноса из множества этносов. Забудьте историю того, как вы получили свободу, — и в конце концов вы потеряете свободу как таковую.

Философы крайне редко писали о важности рассказывания историй для нравственной жизни. Но именно таким путем мы стали тем народом, которым являемся. Грандиозное исключение из правил среди современных философов — Аласдер Макинтайр, написавший в своей классической работе «После добродетели»: «Я могу ответить на вопрос "что мне делать", только если могу ответить на предшествующий вопрос "участником какой истории или историй я себя считаю"». Отнимите истории у детей, говорит Макинтайр, и ввиду этого вашего шага дети так и останутся «невротичными заиками, запинающимися и в делах, и в речах»[4].

Моше понимал это яснее, чем кто-либо, поскольку знал, что, если у вас нет своей, особенной идентичности, почти невозможно не скатиться в то или иное идолопоклонничество — любое, которое свойственно вашей эпохе: рационализм, идеализм, национализм, фашизм, коммунизм, постмодернизм, релятивизм, индивидуализм, гедонизм или консьюмеризм, если перечислить лишь самые недавние. Альтернатива — общество, основанное на одной лишь традиции, — рушится, едва уважение к традиции отмирает, а отмирает оно всякий раз, на той или иной стадии.

Идентичность — а она всегда своеобычна — основывается на некоей истории, на рассказе, который связывает меня с прошлым, руководит мной в настоящем и возлагает на меня ответственность за будущее. А ни одна история (по крайней мере, на Западе) не имела такого влияния, как история Исхода, — память о том, что высшая сила вмешалась в исторические

---

[2] What I Saw in America. New York: Dodd, Mead and Company, 1922. P. 10.

[3] Ibid. P. 7.

[4] См.: Alasdair MacIntyre, *After Virtue: A Study in Moral Theory*, London: University of Notre Dame Press, 1981.

события, чтобы освободить в высшей степени бесправных людей, наряду с заключенным после этого заветом, посредством которого сыны Израиля связали себя союзом с Б-гом, обещая создать общество, которое будет противоположностью Египту: общество, где индивидов уважают как образ Б-га, где на каждый седьмой день временно упраздняются все властные иерархии, а человеческое достоинство и справедливость доступны всем. Мы никогда еще не достигали в полной мере этого идеального состояния, но никогда не прекращали идти к нему, потому что оно ждет нас в конце пути.

«У евреев всегда были истории для остальных из нас»[5], — сказал политический корреспондент Би-би-си Эндрю Марр. Б-г создал человека, написал когда-то Эли Визель, потому что Б-г любит истории[6]. То, что другие культуры делали с помощью систем, евреи делали с помощью историй. А в иудаизме истории не высекают в камне на памятниках, как бы великолепно это ни смотрелось. Их рассказывают дома, за столом, передавая от родителей детям как подарок, который прошлое делает будущему. Таким вот образом рассказывание историй в иудаизме передавалось в рамках традиции, стало частью домашней культуры и демократизировалось.

Лишь самые базовые элементы нравственности являются общечеловеческими: «схематичные» отвлеченные понятия, такие как справедливость или свобода, обычно означают разные вещи для разных народов в разных странах и в разные времена. Но если мы хотим, чтобы наши дети были высоконравственными людьми и чтобы наше общество было высоконравственным, нам необходима некая коллективная история, сообщающая нам, откуда мы пришли и в чем наша задача в мире. История Исхода, особенно в той форме, в которой ее рассказывают на Песах за столом во время седера, всегда одинакова, но непрерывно изменяется. Это почти бесконечный набор вариаций на одну и ту же группу тем, и все мы усваиваем их, причем каждый из нас — уникальным для себя образом. Но все мы в качестве членов одного и того же исторически расширенного сообщества считаем их общими.

Одни истории облагораживают, другие отупляют, делая нас пленниками стародавних обид или неосуществимых устремлений. Еврейская история — в своем роде наиболее древняя из всех, но она вечно молода, и каждый из нас — ее участник. Она сообщает нам, кто мы и кем нам следует быть согласно надеждам наших предков. Рассказывание историй — могучий инструмент нравственного воспитания. Именно в Торе содержится откровение: народ, который рассказывает своим детям историю о свободе и связанных с ней обязанностях, останется свободным, покуда человечество живет, дышит и надеется.

© Rabbi Sacks • All rights reserved

[5] Andrew Marr: The Observer, Sunday, May 14, 2000.
[6] The Gates of the Forest. New York: Holt, Rhinehart, and Winston (предисловие).